

А
10.

„ВЪ КИРГИЗСКОМЪ КОЧЕВЬИ“

и

„ВЪ УРАЛЬСКИХЪ ГОРАХЪ“.

ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ

Ерм. Охотина.

Казань Пассаждь
Лито-Типографія И. Н. Харитонова
1898

Дозволено цензурою. Г. Казань, 14-го марта 1898 года.

120

120

Въ киргизскомъ кочевьи.

Вечерѣло...

Невыносимо знойный день уступалъ мѣсто сумеркамъ. Въ воздухѣ ощущалась пріятная свѣжесть. Едва замѣтный западный вѣтерокъ скромно заигрывалъ съ пушистымъ ковылемъ, любовавшимся проказами шалуна—зефира...

Могучій Парымскій хребетъ, посеребренный яркими полосками снѣга, принималъ чудный видъ; гигантъ дремалъ и, чувствуя приближеніе горной холодной ночи, сталъ закутываться синеватой дымкой... У подножія этого великана вздымались вертикальныя струйки бѣлаго дыма. Изрѣдка доносилось до слуха лишь рѣзкое конское ржаніе, нарушавшее тишину горныхъ сумерекъ...

Мой „верховой“, но далеко не „гордый“ конь, услышавъ голосъ своихъ собратьевъ, наострилъ уши и учащенно засѣменилъ усталыми ногами.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, подумалъ я, что возлѣ хребта кочуютъ киргизы.

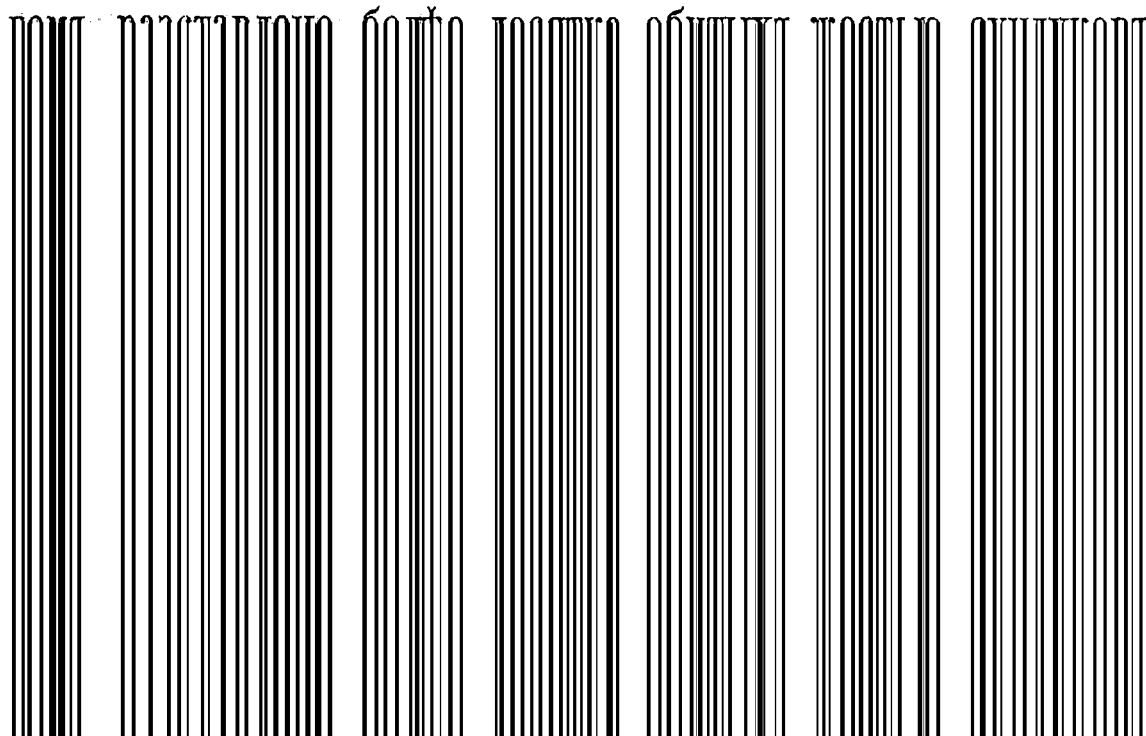
Приближавшаяся-же ночь и сильно протестовавшій желудокъ навели меня на мысль о ночлегѣ; поэтому, свернувъ съ дороги, я направился въ аулъ.

Черезъ какихъ нибудь полчаса я уже приближался къ киргизскому аулу, привѣтствуемый усерднымъ лаемъ громадныхъ косматыхъ собакъ. Возлѣ крайней убогой крошечной юрты рѣзвилась группа киргизятъ, костюмъ которыхъ состоялъ изъ однѣхъ тюбетеекъ. Этотъ легкомысленный и несложный туалетъ, очевидно, нисколько не смущалъ голопузыхъ джентльменовъ, потомучто вся эта оригинальная компанія, увидавъ меня, высыпала навстрѣчу. Вручивъ киргизскимъ фрайтамъ кошель грошевого лакомства, я направился къ юртѣ, выдѣлявшейся передъ прочими значительными размѣрами и щеголеватой внѣшностью.

Около указанной юрты стоялъ средняго роста тучный киргизъ, въ которомъ я заподозрилъ ея хозяина, а потому, обмѣнявшись съ нимъ обычномъ „аман¹⁾“, объяснилъ цѣль своего прѣзда. Я не ошибся: толстякъ оказался владѣльцемъ этого жилища. Онъ выразилъ удовольствіе приютить у себя русскаго гостя, и, приказавъ какому-то мальчугану привязать коня къ столбу, просилъ меня слѣдовать въ юрту. Мы оба усѣлись на великолѣпныхъ сартскихъ коврахъ и начали „разговоры разговоривать“, до которыхъ, кстати сказать, киргизы большіе охотники. Здѣсь я долженъ замѣтить, что мой собесѣдникъ довольно сносно объяснялся по-русски. Тусклый свѣтъ сальнаго огарка скудно освѣщалъ юрту, почему, кромѣ моего собесѣдника, удалось разглядѣть очень немногое.

Словоохотливый хозяинъ своей особой напоминалъ скорѣе богатаго казанскаго татарина, чѣмъ представителя „сыновъ степей“, и хотя старался быть любезнымъ, но держалъ себя съ замѣчательнымъ достоинствомъ, свойственнымъ, по меньшей мѣрѣ, бухарскому вельможѣ.

Находя освѣщеніе недостаточнымъ, мой новый знакомый счелъ нужнымъ пополнить его силою двухъ сальныхъ огарковъ, воткнутыхъ въ маленькія тыквы; подобная иллюминація дала возможность заняться осмотромъ внутренняго убранства, которое, съ киргизской точки зрѣнія, ничего не заставляло желать лучшаго: каждая, хотя бы пустячная, вещица свидѣтельствовала о солидныхъ достаткахъ юртовладельца. Въ противоположной отъ двери сторонѣ полукру-

Спустя немного времени, хозяинъ,—какъ говорится, ни съ того ни съ сего,—вдругъ заковылялъ своими дугообразными ногами, и какъ утка, переваливаясь съ боку набокъ, вышелъ вонъ изъ юрты. Не болѣе какъ черезъ пять минутъ онъ возвратился и подаль мнѣ въ руки невозможный литографированный видъ Константинополя казанскаго изданія, изготовленный, очевидно, по наслышкѣ; и если бы не было обозначено, что видъ „сердца ислама“ наляпанъ въ одной изъ казанскихъ литографій, то я, по всей вѣроятности, время созданія этой мазни отодвинулъ бы столѣтія на полтора назадъ. За этотъ ничтожный лоскутокъ издатель не устыдился обозначить цѣну, ни болѣе ни менѣе—какъ въ 40 копѣекъ.

Но вотъ, мало-по-малу, юрта начала наполняться любопытными обоюга пола, причемъ мужчины, не снимая своихъ высокихъ, остроконечныхъ баронъ ихъ малахаевъ, опускались на ковры, принимая самыя непринужденныя позы; такъ называемый „прекрасный полъ“ стоялъ въ почтительномъ отъ насъ разстояніи, занятый разговорами, очевидно, критическаго содержанія, что было замѣтно по сдержанной улыбкѣ и ежеминутному шептанію въ ухо. Здѣшнія киргизки, даже и богатая, не придерживаются мусульманскаго обычая—закрывать лицо отъ посторонняго мужскаго взора, и какъ замужнія, такъ и дѣвушки смѣло смотрятъ въ лицо незнакомца и безъ всякаго жеманства отвѣчаютъ на предлагаемыя вопросы.

Въ то время, какъ я разглядывалъ незнакомое мнѣ общество, посреди юрты былъ поставленъ большой круглый, на очень коротенькихъ ножкахъ, столъ, накрытый пунсовой салфеткой. Молодой киргизъ (дальній хозяйскій родственникъ) нацѣдилъ изъ сабы объемистое металлическое блюдо кумыса, и, высунувъ языкъ по адресу одной востроглазой киргизки, проворно поставилъ блюдо на столъ. Глава семейства, сохраняя глубокое молчаніе, вооружился большой деревянной ложкой, и каждому изъ присутствующихъ мужчинъ налилъ подеревянной чашкѣ превосходнаго кумысу. Женщины не принимали съ нами участія; онѣ по-прежнему сохраняли свои наблюдательныя позы.

Кумысъ оказался настолько крѣпкимъ, что, выпивъ двѣ чашки, я почувствовалъ легкую дремоту. Угостившись ку-

мысомъ, киргизы, желая выразить юртовладыкѣ свою признательность, занялись производствомъ самой ожесточенной отрыжки, выводя довольно замысловатыя рыгательныя вариации, и если бы въ это время взошелъ какой нибудь человекъ, незнакомый съ требованіями киргизскаго этикета, то, по всей вѣроятности, принялъ бы этихъ виртуозовъ за чревоущителей.

Изливъ чувства благодарности „рыгательнымъ“ способомъ, всѣ безъ исключенія киргизы зарядили свои носовыя отверстія неумѣренными дозами самаго злѣйшаго нюхательнаго табаку, послѣ чего послѣдовалъ непрерывный рядъ отчаянныхъ чихательныхъ залповъ.

Между прочимъ какой-то внимательный киргизъ предложилъ продѣлать тоже самое и мнѣ; отказаться отъ этой любезности я счелъ не деликатнымъ, а потому, вооружившись, предложенной мнѣ, роговой табакеркой, одну—очень скромную понюшку препроводилъ по назначенію; послѣдствія этой операціи крѣпко убѣдили меня въ томъ, что дѣйствительно—бываютъ въ жизни такіе моменты, когда небо кажется съ овчинку.

На смѣну кумысу появился чреватый самоваръ, влекомый двумя молоденькими киргизками, которыхъ хозяинъ представилъ—какъ своихъ супругъ. Рекомендуя ихъ, киргизъ сказалъ мнѣ: „если вашъ братъ—русскій разбогатѣетъ, то строить большіе красивые дома, а богатый казакъ¹⁾ заводитъ красивыхъ женъ“... Выслушавъ это хвастливое словоизверженіе, я чуть не фыркнулъ,—да и было съ чего,—ибо жены—киргизки далеко не обладали тѣми качествами, которыя приписывалъ имъ нѣжнѣйшій супругъ. Одна изъ нихъ обладала самой ординарной киргизской фізіономіей: низенькая, полная, смуглая съ черными, какъ уголь, волосами и съ такими же черными глазами; въ ней не было ничего—ни красиваго, ни безобразнаго—все, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ.

Вторая киргизка—на видъ лѣтъ 14—15 выдѣлялась своимъ несомнѣннымъ безобразіемъ: круглое, какъ циферблатъ, сильно загорѣлое лицо походило на запаленую булку;

¹⁾ Киргизы называютъ себя „казаками“, т. е. наѣздниками; слово же „киргизъ“ равносильно слову—барантачь.

пару черныхъ вдавленныхъ глазъ не мудрено принять если не за черныхъ таракановъ, то непременно за черносливъ; крошечный, круглой конструкции, носъ положительно утонулъ между мясистыми щеками, и благодаря такому стѣсненному положенію напоминалъ электрическую кнопку; подъ вышеозначенными орнаментами пылала пара, сильно вывернутыхъ, малиновыхъ губъ,—къ этому слѣдуетъ еще добавить нѣсколько десятковъ рябыхъ пятенъ, разбросанныхъ въ разныхъ пунктахъ ея шарообразной фізіономіи. Псевдо-красавица употребляла всевозможныя усилія для того, чтобы порисоваться своей фізіономіей и цѣлымъ десяткомъ, чудовищнаго размѣра, колець, надѣтыхъ на короткіе пальцы, ногти на которыхъ были выкрашены фуксиномъ.

Къ чаю были поданы съдобные просяные шарики, печеные изъ прѣснаго тѣста (баурсак); на необремененный желудокъ эти шарики показались мнѣ до того вкусными, что я, выкинувъ за бортъ весь запасъ приличія, уписывалъ ихъ за обѣ щеки. Въ качествѣ десерта фигурировали кедровые орѣхи и „куртъ“; куртъ—есть ничто иное,—какъ прессованный пальцами овечій творогъ, отличающійся невозможнымъ вкусомъ и запахомъ. Впрочемъ здѣшніе сибирскіе казаки утверждаютъ, что „куртъ“ шибко пользителенъ, у кого ежели грудь фальшитъ“.

Послѣ чая хозяинъ уполномочилъ парня, подававшего кумысъ, заколотъ козла и барана. Это пріятное извѣстіе на лицахъ всѣхъ присутствующихъ довольную улыбку, сопровождающуюся многозначительнымъ подкашливаніемъ; но болѣе другихъ этому кровавому извѣстію обрадовался я, ибо просяные шарики и кумысъ мало способствовали сокращенію аппетита, начинавшаго принимать весьма почтенные размѣры.

Въ ожиданіи предстоящихъ благъ я вздумалъ побродить по аулу.

Было уже совсѣмъ темно, когда я вышелъ изъ юрты. Темно-синее небо въ эту чудную ночь какъ-то особенно хвасталось блескомъ своихъ безчисленныхъ брилліантовъ—звѣздъ, горѣвшихъ въ необъятной безднѣ... Однѣ изъ нихъ мигали, какъ будто-бы спросонья, другія прищуривались, какъ будто-бы для того, чтобы разглядѣть ту крошечную свѣтлую точку, которая называется землей, нѣкоторыя же смотрѣли открыто, прямо увѣренно, не принуждая свое зрѣніе никакими ухищреніями...

Ауль освѣщался нѣсколькими десятками костровъ, пылавшихъ возлѣ каждой юрты. Пропитанный дымомъ воздухъ оглашался звучнымъ веселымъ смѣхомъ ребятишекъ, пополнившихъ свой туалетъ камзолами—безрукавками и какимъ-то фантастическимъ тряпьемъ.

Женщины были заняты приготовленіемъ ужина: пачкались въ бараньихъ внутренностяхъ, мыли казаны, жарили мелко изрѣзанную баранину съ лукомъ, поджаривали въ салѣ просяную крупу; нѣкоторыя же были заняты водвореніемъ дисциплины среди расшалившихся киргизятъ, препровождая послѣднимъ, смотря по заслугамъ, подобающіе подзатыльники.

Я обошелъ весь ауль, и въ 10 юртахъ и 30-ти кромѣ крайней бѣдности—ничего не замѣтилъ. Иные бѣдняки не располагаютъ даже кускомъ баранины, въ силу чего принуждены поддерживать свое существованіе просяной крупой, поджаренной въ салѣ (кужѣ) и жиденскимъ кирпичнымъ чаемъ безъ сахару. Жизнь впроголодь, разумѣется, не замедляетъ плодить различныя гастрическія болѣзни; по истиннымъ бичемъ для киргизовъ являются болѣзни венерическія, отъ которыхъ несчастные лѣчатся исключительно одной ртутью; отсутствіе же какой бы то ни было медицинской помощи, и хотя бы мало-мальски сносныхъ гигиеническихъ условій способствуетъ поразительному успѣху этой отвратительной болѣзни,—и слава Богу, что киргизы не научились отъ казаковъ пить водку, а то послѣдствія были бы выше всякаго описанія.

Въ одной—до невозможности ветхой юртѣ я былъ свидѣтелемъ очень трагической картины: на вонючихъ бараньихъ овчинахъ лежалъ умирающій киргизъ, окруженный небольшою кучкой родственниковъ и любопытныхъ... Несчастный дышалъ тяжело и рѣдко... Незащищенная одеждой темно-коричневая грудь медленно поднималась и также медленно опускалась... Совершенно высохшее лицо напоминало скорѣе фізіономію измученнаго китайскаго узника, чѣмъ челоуѣка, прожившаго большую половину своей жизни подъ открытымъ небомъ... Загноившіяся открытые глаза были тусклы, безжизненны... Воздухъ въ юртѣ былъ нисколько не лучше, чѣмъ въ средней, по своему благоустройству, помойной ямѣ.

Я предложилъ окружающимъ нѣсколько совѣтовъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, и вышелъ на свѣжій воздухъ. Побродивъ по аулу еще съ полчаса, я возвратился къ киргизу, у котораго остановился, и очень сожалѣлъ, что не вернулся раньше, потому что въ мое отсутствіе происходили религіозныя дебаты между хозяиномъ и какимъ-то бродячимъ ех-муллой. Хозяинъ былъ сильно не въ духѣ. Очевидно, что полемическій перевѣсъ былъ на сторонѣ муллы; противникъ же—наоборотъ,—находился въ самомъ радужномъ настроеніи; но принимая во вниманіе перспективу предстоящаго ужина, не отважился выразить свое благодушіе вслухъ; онъ только позволялъ себѣ улыбаться такой улыбкой, въ которой не было недостатка въ тонкомъ нахальствѣ и политическомъ плутовствѣ.

Но вотъ, наконецъ, подали давно ожидаемыхъ барана и козла, головы и рога которыхъ красовались на верху мясной пирамиды; хозяева и гости посигѣшили извлечь изъ-за своихъ поясьевъ коротенькіе ножи, и принялись дѣйствовать руками и зубами, замѣняя салфетку правымъ рукавомъ.

Во время ужина господствовало безмолвіе, нарушаемое только усерднымъ чавканьемъ и хрустомъ.

Не болѣе какъ черезъ пять минутъ отъ несчастныхъ животныхъ остались только одни непривлекательныя воспоминанія—въ видѣ порядочной кучки костей, предназначенныхъ четвероногимъ „друзьямъ человѣчества“.

Послѣ ужина между хозяиномъ и ех-муллой состоялось генеральное сраженіе,—только на этотъ разъ не словесное, а... шашечное; причемъ одну половину шашекъ замѣняли перерѣзанныя пополамъ нитяныя шпульки, а другую—выкрашенныя фуксиномъ козанки.

Въ этомъ сраженіи противники промѣнялись ролями, такъ какъ мулла былъ побѣжденъ трижды.

По окончаніи игры хозяинъ пожелалъ всѣмъ добраго сна, и, завѣсивъ назначенное мнѣ для ночлега мѣсто пунсовой простыней, вышелъ изъ юрты,—должно быть—молиться Богу.

Но въ эту ночь мнѣ не суждено было уснуть: безпокойныя блохи и другіе инсекты принудили меня разстаться съ мягкимъ ложемъ, и искать убѣжище внѣ юрты. Выйдя

изъ юрты, я прошелся по сонному аулу, и наткнулся на двухъ верблюдовъ, лакомившихся репейникомъ. Мое присутствіе нисколько не смутило ихъ: одинъ изъ „кораблей пустыни“ на минуту устремилъ на меня свой флегматическій взглядъ и снова принялся за репейникъ, а другой даже и этимъ не удостоилъ. Слабый свѣтъ луны позволилъ мнѣ разглядѣть тропинку, ведущую въ горы, куда я и направился съ цѣлью поглядѣть на аулъ „съ высоты птичьяго полета“. Начинаясь вѣтерокъ производилъ легкое шуршанье среди дремлющаго чія... Начиная моросить дождикъ...

Ерм. Охотихъ.

Въ Уральскихъ горахъ.

Стоялъ конецъ августа. Послѣдніе дни отживающаго лѣта мало чѣмъ разнились отъ обычныхъ жаркихъ іюльскихъ дней, и только мѣстами пожелтѣвшая листва напоминала канунъ осени, долженствующей сокрушить всю работу своего предшественника—лѣта.

Желѣзнодорожный поѣздъ пересѣкалъ величественный Уральскій хребетъ. Пассажиры, какъ пчелы, облѣпляли вагонныя окна, любуясь чудной панорамой дико-грандіозной природы Уральскихъ горъ. По обѣ стороны желѣзно-дорожнаго пути возвышались каменные громады самыхъ причудливыхъ формъ, напоминающихъ собою уцѣлѣвшіе остатки египетскихъ пирамидъ, саркофаговъ, индійскихъ пагодъ и другихъ памятниковъ древности, архитектурныя недочеты которыхъ дорисовывала услужливая фантазія...

Безконечныя горы и прихотливо лежація долины, одѣтыя богатѣйшей дѣвственной флорой, поражали путниковъ своимъ безмолвнымъ величіемъ и неизъяснимой прелестью... Вдали синѣла горная цѣпь, вырисовываясь своими конусами и овалами на совершенно безоблачномъ небѣ...

Вся эта глушь, всѣ эти живыя картины первобытной природы вызывали какую-то принужденную грусть, или пораждали самую плодovitую фантазію;—глядишь и думаешь: „вотъ де, молъ,—выскочить изъ ущелья какойнибудь первобытный человѣкъ, облеченный въ звѣриную шкуру, и вступить въ неравный бой съ невѣдомымъ для него чудовищемъ—локомотивомъ, въ смутной надеждѣ одолѣть его своимъ незатѣйливымъ оружіемъ“...

А локомотивъ все шелъ впередъ, волоча за собой чуть не стасаженный тяжелый хвостъ... Несясь „во всю ивановскую“ по гигантскимъ насыпямъ и въ глубокихъ выемкахъ, готовый ежеминутно увлечь всѣхъ въ пропасть,—поѣздъ то и дѣло катился по совершенно правильнымъ аллеямъ, об-

рамленнымъ съ обѣихъ сторонъ стройными соснами и елями, раскинувшими темно-зеленыя иглистыя кисти смолистыхъ вѣтвей.

Находясь большую часть времени подъ бременемъ своей фантази, я и не замѣтилъ, какъ поѣздъ домчался до станціи М.... Надъ локомотивомъ показалась густая струя вырвавшегося пара, вслѣдъ за которымъ раздался рѣзкій продолжительный свистокъ, а ему не замедлило откликнуться звонкое горное эхо.

Пассажиры покинули свои наблюдательные посты и въ полномъ составѣ бросились къ выходной двери. По той стремительности, какую обнаруживали всѣ присутствующіе, допустительно было предположить, что съ поѣздомъ произошло какое нибудь несчастье, но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не случилось,—все, какъ говорится, обстояло благополучно. Дѣло, какъ это и слѣдовало ожидать, кончилось тѣмъ, что въ общей сумятицѣ растянулся какой-то мрачный субъектъ, нашедшій умѣстнымъ въ моментъ своего паденія выпалить парочку словечекъ, изъ которыхъ одно было—чисто русское, а другое... другое хорошенько я не разслыхалъ,—кажется,—чуть ли не индѣйское...

Въ нашъ и безъ того людной вагонъ, нетвердой походкой заявилося трое новыхъ пассажировъ, облаченныхъ въ какую-то форму. „Медленная торопливость“ пассажирскаго шествія была слишкомъ подозрительна, и почему-то воскресила въ моей памяти необдуманное изрѣченіе нашихъ предковъ: „веселіе Руси—есть пити“... Современные россияне хотя и не считаютъ пьянство исключительнымъ источникомъ веселаго настроенія, однако при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ стараются блистательно подражать предкамъ своимъ, придумывая всевозможные мотивы, неразлучные съ выпивкой... Вошедшіе, какъ видно, не представляли изъ себя уродовъ въ хмѣльной русской семьѣ, а посему, собираясь въ путь (мотивъ весьма уважительный), они исполнили „завѣтъ“ славныхъ предковъ.

Послѣ длиннаго ряда усилій и непріятныхъ сценъ трехчленной компаніи удалось наконецъ ориентироваться въ углу вагона; занявъ эту крошечную позицію чуть не съ боя, г.г. триумвиры извлекли изъ корзины двѣ бутылки шнапсу, громадный кусокъ сыру, и принялись снова „пити“, напут-

ствуя каждый глоток вина подобающими изреченіями, не изобиловавшими, правда, избыткомъ большаго остроумія.

На одной изъ слѣдующихъ станцій комплектъ пассажировъ пополнился еще однимъ человѣкомъ; но такъ какъ мѣста всѣ были заняты, то вновь прибывшій путникъ при-
могнулся на полу, соорудивъ изъ своихъ пожитковъ импро-
визированное ложе, и устранивъ, такимъ образомъ, всѣ пре-
рѣканія и бесплодныя воззванія, сопряженныя съ присканіемъ
„законнаго“ мѣста.

Это былъ мужчина—на видъ лѣтъ подъ 50. Одѣтъ онъ былъ въ широкую гуттаперчевую куртку, и въ красные зайсанскіе рейтузы, заправленные въ высокіе ботфорты. Сѣрый англійскій шлемъ какъ нельзя болѣе шелъ къ его блѣдному лицу, обрамленному длинной темнорусой бородой; въ вискахъ пробивался сѣдой волосъ, спускаясь серебря-
стыми прядями по низко-отпущенной бородѣ.

Незнакомецъ (онъ же и мой *vis a vis*) неторопясь вы-
нулъ изъ чемодана стеариновый огарокъ, зажегъ его и, за-
куривъ отъ свѣчки благовонную сигару, углубился въ чте-
ніе какой-то „ветхой денми“ книжки; причемъ нельзя было
не замѣтить, что его тонкія прозрачныя руки были покры-
ты пѣлой системой синевадыхъ жилокъ, напоминающихъ

Въ эту критическую минуту одинъ изъ собутыльниковъ, находившійся въ періодѣ только еще „перваго взвода“, въ-время спохватился, и поднявъ кверху льющуюся черезъ край рюмку вина, какимъ-то замогильнымъ надтреснутымъ голосомъ обратился къ своимъ осовѣвшимъ собратьямъ: „Друзья! здѣсь присутствуютъ дамы, а поэтому предлагаю тостъ за здорровье, умъ и безпримѣррррную энергію русскихъ вообще, а здѣсь пррррприсутствующихъ въ частности“!..

— „Я съ свиньями пить нне... намѣренъ“, — рѣшительно выпалилъ пьянѣйшій изъ „друзей“.

— „Кто?—я свинья? Ты называешь меня свиньей“?

— „Да! ты свинья, ибо“...

— „Какое ты имѣешь пррраво называть меня свиньей? ты,—ты свинья,—начиная съ свинской морды, и кончая твоими дурацкими копытами, которыя по ошибкѣ именуешь ногами“...

— „Что-о?“

— „Такихъ безобразныхъ свиней,—какъ ты, бракують въ самыхъ паршивыхъ колбасныхъ лавченкахъ,—вотъ что!“

Не желая долше оставаться свидѣтелемъ интеллигентнаго скандала, я вышелъ на платформу, гдѣ и простоялъ не менѣе часа; а потомъ тѣмъ же порядкомъ благополучно вернулся въ вагонъ, не имѣя ни малѣйшаго желанія подчиняться прихотямъ неожиданно откуда-то примчавшагося вѣтра.

Когда я вошелъ въ вагонъ, то мнѣ стало даже жутко... всюду носились цѣлыя облака табачнаго дыма; большинство пассажировъ находилось на попеченіи сонули—морфеи, и лишь очень немногимъ удалось уклониться отъ его заманчивыхъ объятій, да и то только потому, что до умопомраченія играли въ 66.

Пьяная компанія почти присмирѣла: двое храпѣли самымъ варварскимъ образомъ—въ позахъ довольно неудачныхъ, чтобы назвать ихъ приличными, а третій, понизивъ голосъ до октавы, бормоталъ какой-то безсвязный монологъ, довольно связно приправляя его букетомъ такихъ словечекъ, при звукѣ которыхъ мужчины, въ присутствіи „прекраснаго пола“ обыкновенно усиленно откашливаются, а „прекрасный полъ“ перепуганныя личики прекраснаго пола мѣняютъ во всѣ цвѣта радуги...

— „Замѣтили?“—вдругъ обратился ко мнѣ молчавшій до сего времени господинъ съ книгой.

— „Въ чемъ дѣло?“—вопросительно отвѣтилъ я.

— „А вотъ—не угодно ли вамъ полюбоваться на сего неугомоннаго оратора!“

— Я произвелъ внимательный осмотръ, и къ моему немалому удивленію подь лѣвымъ „ораторскимъ“ окомъ увидалъ знакъ отличія, оказавшійся весьма приличнымъ синякомъ съ багровыми разводами.

— „Что сей сонъ значить?“—полюбопытствовалъ я.

— „А это видите ли смѣхоплачевный результатъ неразумнаго недоразумѣнія: толковали молодцы о женской эмансипаціи, а дѣло кончилось „самобытнымъ“ кулачнымъ боемъ... и быстро и убѣдительно,—а главное—доказательство всегда наготовѣ... Грустно“!..

Мы очень долго толковали объ житейской этикѣ и о многомъ другомъ, какъ вдругъ оба вздрогнули, услыхавъ неимоверное хрипѣніе, постепенно переходившее въ бормотанье... „Помоги... и“... невнятно бормоталъ купчина невѣроятнѣйшаго объема, у котораго вмѣсто чрева, казалось, была вставлена подушка.

— „Эге! его степенство и во снѣ просить о помощи“ замѣтилъ мой собесѣдникъ. Разговоръ перемѣнился.

— „Не знаю“,—говорилъ собесѣдникъ,—„молился ли я когда нибудь воснѣ, но наяву,—въ одну памятную для меня ночь,—я молился,—и молился, и молился горячо... и это была чуть ли не первая, вылившаяся изъ моихъ устъ, горячая молитва“...

„Если вамъ спать еще не хочется, то я расскажу о той ужасной ночи, о которой сейчасъ заикнулся“.

— Хотя я ничего не имѣлъ противъ того, чтобы воспользоваться услугами Морфея, но, предугадывая трагическій интересъ въ обѣщанномъ повѣствованіи, свои мечтанія о морфеевскихъ объятіяхъ отодвинулъ на задній планъ. Мой неутомимый собесѣдникъ открылъ ближайшее къ намъ окно, дабы „благорастворить“ дурно растворенный воздухъ, и усѣвшись по восточному (ножки калачикомъ), закурилъ свѣжую сигару.

— „Мнѣ сейчасъ 35 лѣтъ“,—такъ началъ онъ, но было время, когда я насчитывалъ себѣ всего 25, когда я

имѣлъ завидное право именовать себя медикомъ предпоследняго курса... но—„не такъ живи—какъ хочется, а такъ живи—какъ Богъ велитъ“,—гласить народная мудрость. Такъ случилось и со мной: съ береговъ „Волги—матушки широкой“ я долженъ былъ переѣхать на берега не менѣе широкаго батюшки—Иртыша, принявшаго въ свои холодныя объятія многоуважаемаго Ермака Тимофеевича, гдѣ спутниками моей жизни были—вопервыхъ—скука, вторыхъ—скука, и третьихъ—тоже скука... и если бы я не былъ страстнымъ охотникомъ, то, по всей вѣроятности, послѣдовалъ бы примѣру Ермака,—сирѣчь—утопился.

„Тотъ эпизодъ, о которомъ я хочу вамъ рассказать, произошелъ четыре года тому назадъ, когда я еще прозябалъ въ сибирскихъ дебряхъ“.

„Я уже вамъ сказалъ, что я принадлежу къ числу страстныхъ охотниковъ, а потому вы нисколько не удивляйтесь, если я скажу вамъ, что двѣсти дней въ году проводилъ на охотѣ. въ обществѣ съ всюду преслѣдующей меня скукой и моимъ единственнымъ другомъ—умнѣйшимъ псомъ—Кучумомъ“.

„Въ одно, какъ доворится, прекрасное утро я по обыкновенію отправился „мѣсить болота“, для чего необходимо было спуститься версть 5—6 по Иртышу. Сѣлъ я въ какое-то подобіе индѣйской пироги, и преспокойно поплылъ въ свою охотничью резиденцію; дотащившись туда, я спрятавъ свой фрегаты въ камышъ, и тотчасъ же направилъ свои стопы въ утиное царство“.

„Результаты этой охотничьей экспедиціи мнѣ показались слишкомъ мизерными, а потому я рѣшилъ переночевать,—въ надеждѣ на успѣхъ утренней сидки“.

„Ночь была—что называется:—луна, звѣзды и прочее. Я лежалъ подъ сѣнію стараго дерева съ усталымъ Кучумомъ, и прислушивался къ треску, пожираемому пламенемъ, сушняка“.

„Вдругъ до моего слуха донесся тихій, мѣрный плескъ воды. Я насторожился, и къ моему изумленію, на зеркальной поверхности рѣки разглядѣлъ скользящую лодку, которую направляли, очевидно, на мой костеръ“.

„Черезъ какихъ нибудь десять минутъ лодка уткнулась въ берегъ, и изъ нея,—одна за другой выскочили четыре

оборванные человѣческія фигуры, похожія болѣе на бандитовъ, чѣмъ на мирныхъ гражданъ“.

„Вся эта голопятая команда двинулась къ костру, и не проронивъ ни единого слова, принялась награждать меня такими взглядами, отъ которыхъ сердце мое прыгало, какъ челнокъ въ швейной машинѣ, а душа ретировалась въ пятки, какъ пунктъ болѣе безопасный“.

„Кучумъ злобно рычалъ, и усиленно отмахивался хвостомъ, что служило плохой рекомендаціей для прибывшихъ оборванцевъ“.

Моя попытка вступить съ ними въ разговоръ не увѣнчалась успѣхомъ, и я было уже сообразилъ: „нельзя ли дескать, моль, задать тягу“; но нашель этотъ проэктъ нелѣпнымъ, а потому рѣшилъ: „будь—что будетъ!“.

„Вдругъ негодяи бросились на меня, скрутили руки и ноги, а сами, захвативъ мое ружье, отошли шаговъ на двадцать“.

„Кучумъ было бросился преслѣдовать ихъ, но одинъ изъ негодяевъ прикладомъ ружья уложилъ моего вѣрнаго и послѣдняго друга наповаль“.

„Вотъ тутъ-то я вспомнилъ Того, Котораго прежде не вѣдалъ; всѣмъ сердцемъ я взывалъ къ Тому, Кому нѣтъ мѣста и причины, Кого хвалятъ солнце, луна и звѣзды;—эта вотъ и была та самая первая горячая молитва въ моей тусклой жизни, про которую я вамъ уже сказалъ“.

„Въ это время одинъ изъ оборванцевъ крикнулъ мнѣ: „берегись и, о ужась!—я увидалъ направленное въ меня дуло ружья“...“

„Судите сами о томъ положеніи, въ которомъ я находился,—разсказывать вамъ нечего; помню только, что хотѣлъ кричать, но голосу не было, спазмы положительно душили меня“.

„Берегись!“—снова услыхалъ я, и вслѣдъ за этимъ зловѣщимъ предупрежденіемъ раздался оглушительный выстрѣлъ, но, какъ изволите видѣть,—не смертельный; за этимъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй, и къ счастью—послѣдній“.

„Затѣмъ мерзавцы преспокойно отправились къ своей лодкѣ, не позабывъ прихватить съ собой мое ружье и ягдташь“.

„Когда лодка отчалила, то я услыхалъ такого рода прощальное привѣтствіе: „до свиданія, баринъ! Счастливо тебѣ кувыраться!“.

„И я дѣйствительно—кувыркался до утра слѣдующаго дня; однимъ словомъ до тѣхъ поръ, пока не удалось перегрысть веревку, стягивавшую мои руки“.

„Освободившись отъ „веревочныхъ цѣпей“, я положилъ въ свой челнъ трупъ моего бѣднаго Кучума, и къ вечеру едва-едва дотащился до дому“.

„Когда я вошелъ въ комнату, то мнѣ сказали, что я посѣдѣлъ; справляюсь въ зеркалѣ—правда!“.

„А теперь, любезнѣйшій, позвольте пожелать вамъ покой ночи,—скоро три часа“.

Разсказчикъ перекрестился, и вскорѣ заснулъ. Я послѣдовалъ его примѣру.

Ерм. Охотикъ.
